

A nighttime photograph of a city street. The buildings on the left are illuminated with blue and green lights. The street is lit by streetlights, and several cars are parked or driving. The sky is dark, and there are bare trees on the right side.

Кирилл Ламповед

МОЯ ПЕРВАЯ КНИЖОНКА
(ЧЕГО МНОГИЕ ИЗ ВАС НИКОГДА НЕ НАПИШУТ)

18+

Кирилл Ламповед
Моя первая книжонка.
(Чего многие из вас
никогда не напишут)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19053306

ISBN 9785447490089

Аннотация

Так, тут надо не забыть добавить модненькую аннотацию к книге. Что-нибудь о том, что Кирилл Ламповед – образованный и умный парень – мечтает стать настоящим писателем и выпустить свою первую книгу. Вместе с ним читателям предстоит понять основы творческого ремесла и отправиться в смешное приключение, знакомясь с тру жизой Москвы. Звучит банально, но пофиг. В конце – призыв по законам маркетинга. Читайте сейчас! Да. Типа того и надо сделать... N. В. Не все шутки будут смешными, но история хорошая.

Содержание

Коротко о главном	5
Это далеко не самый лучший способ начать писать...	6
Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Моя первая книжонка
(Чего многие из вас
никогда не напишут)
Кирилл Ламповед**

© Кирилл Ламповед, 2016

Обложка Константин Лопатин

Помощь Александр Недоступ

Корректор Александра Аристова

Редактор Елена Милиенко

Иллюстрация Елена Лебедева

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Коротко о главном

18+

Эта книга о молодом человеке из Москвы. Она содержит нецензурные выражения, сцены употребления алкоголя, курения, а также тщетные попытки шутить. Все персонажи являются личностями и высказывают свое мнение даже в тех случаях, когда автор придерживается противоположных взглядов. Кроме того, автор считает, что читатель этой книги обладает достаточным умом и способен думать своей головой. Автор НЕ призывает пить, курить, сидеть на наркотиках, преждевременно заканчивать жизнь и делать все то, после чего эту книгу могут запретить. Более того, автор осуждает эти деяния. Ну вы поняли...

В истории активно используются сленговые выражения московской молодежи рубежа 201X-го года. Наиболее запутанным словам дана авторская расшифровка.

**Это далеко не самый лучший
способ начать писать...**

Глава 1

– Короче, слушайте историю.

Любая история становится на десять процентов круче, если при ее рассказе раскурить сигарету. Но сигареты – зло, всего лишь обыденное потребление никотина, двадцать патронов смерти, бьющих в голову. Другое дело – самокрутки. Эй! Не радуйтесь, представители табачного лобби, – эта отравка ничуть не лучше. Так что, дети, не курите. В чем же разница между сигаами и самокрутками? Твое здоровье также идет под откос, но выглядишь ты стильно... если только не попал в тусовку хипстеров¹, где все, в общем, так и делают.

И вот я стою и раскладываю табак по бумаге. Во рту фильтр, он сжевывает слова. Мне приходится делать паузы, чтобы речь мог хоть кто-то понять. Для хорошей самокрутки табак важно «раскатать», для этого бумагу аккуратно pokruchиваем пальцами, пока перемолотые листья не станут одной полосой на изгибе. Затем кладем фильтр, слюнявим клейкий край и закручиваем. Если бумага годная – проблем не будет. Дешевка может подвести. Если порвется, то все придется начинать с самого начала. Бесит. Особенно, когда все вокруг

¹ Хипстеры – современная молодежь крупных городов, которая любит элитарные вещи с закосом под старину, а также музыку, кино и т. д. с закосом под искусство. Любит тратить деньги. Здесь и далее примечания автора.

уже курят. При идеальном раскладе ты быстро сворачиваешь себе сижку, прикуриваешь и над твоей головой загорается табличка «Самый стильный парень в курилке». Ты стоишь, размеренно покуриваешь и отвечаешь на вопросы тех, кто раньше никогда самокрутки не видел. Стандартный список выглядит так:

- Это наркотики?
- А в чем смысл курения самокруток?
- И че, лучше обычных сигарет?
- Ты машинкой или рукой крутишь? Мне было бы лень самому крутить.
- Дорого выходит?
- А мне забьешь?

Подозреваю, что вейперы² слышат примерно то же самое.

Если бумага рвется, то ты быстро скатываешься в аутсайдеры. Перекладываешь табак с листка на листок, потом делаешь все заново в надежде, что в этот раз ничего не порвется. А когда закуриваешь – все уже кончилось. Друзья ушли, а ты даже и не начал. Лох.

В этот раз я оказался победителем и скрутился без проблем. Моя история быстро продолжилась:

- Написал недавно рассказ. Депрессняковый такой и бабский. В нем парень и телка лезут на башню.
- Эйфелеву? Готов поспорить, что Эйфелеву, – слово взял

² Вейп – устройства для парения. Типа электронных сигарет.

Филипп, или просто Фил. Кстати, часто ли вы вообще слышите это имя? Этот чувак – единственный Филипп, которого я встречал в своей жизни. Не считая того на сцене.

– Почему сразу на нее?

– Так бабский же рассказ... Они обожают все, где хоть немного говорится о Париже... – Фил тоже прерывается, забивая свою самокрутку. Он всегда сначала кладет фильтр. Фильтр предпочитает падать.

– Тогда всем дамам надо ознакомиться с Bioshock Infinite. Во втором дополнении как раз по Парижу гуляешь. Или Unity, – а вот и третий участник нашей встречи, Даня. Клевый парень, но иногда скучноват. Он не курит, но в курилки всегда выходит. Коллектив важен, даже если приводит к твоей смерти. Да, пассивное курение – оно такое.

Знаете, я тут подумал... не стоит начинать повествование подобным образом. Вы же вообще не врубаетесь, что происходит. Прошу прощения и предлагаю посмотреть по сторонам.

На углу дома на одном из московских бульваров стояли трое молодых людей с высшим образованием и, пока что, не голых. Меня зовут Кирилл, рядом Филипп и Данила. Мы на улице, ведь с недавнего времени курить внутри кафе и баров запрещено. Шарму стало меньше, но, эй! Кто нас спрашивал? Зато появилось ощущение минувших школьных лет, когда на переменке ты выбегал за угол и курил большой ком-

панией, знакомясь с людьми и набирая связей.

Даня немного пухловат, на щеках часто проступает румянец, но это мало кто видит – последний раз бритва была в его руках два года назад. С тех пор только ножницы. У Филя таких проблем нет: он худой, чисто выбритый и выглядит, как наркоша. Его черепушку украшает короткий ежик, хотя еще недавно он был похож на Кобейна. Только черноволосого. Теперь волос нет. Вот к чему приводят споры. Зато две штуки заработал. Что касается меня, то я...

– Простите, – неизвестный молодой человек всем своим видом изящно намекнул, что мне надо бы свалить и не загроживать путь для его пассии.

Я сделал полшага в сторону и дал им пройти. Урод. Итак, все мы тут ровесники до двадцати пяти. С дипломами чего-то и без выдающихся успехов. Раньше такой культурный слой называли бедной интеллигенцией, сейчас же никаких культурных слоев нет, а вместо них сотни ярлыков, которые лепят без разбора настолько, что нас разом могут принять как за нищевродов³, так и за зажравшихся хипстеров. Тут все зависит от размера кошелька и картины мира наблюдающего. Что мы есть на самом деле? Я бы назвал нас классическими представителями московской молодежи. Умнее гопников, беднее тусовки из Soho Rooms. Он еще работает вообще? Много говорим, еще больше критикуем и катастрофически мало делаем. Живем в постоянной ловушке своего

³ Нищеврод – человек без денег.

«Я» и надеемся, что когда-нибудь что-нибудь как-нибудь все поменяет и станет хорошо.

А пока мы стояли у бара под легким и простым названием «Дно», на Бульварном кольце, недалеко от Арбата. Если название было бы «The Дно», то сюда непременно набегали бы толпы педовок⁴. Дальше по накатанной: Instagram, Foursquare, заметка в журнале Village, и все – пока любимое место! Бар опопсел, аудитория помолодела до восемнадцати, а нам пришлось бы искать новое «свое» место. К счастью, беда и редакция LAM обходили стороной это замечательное заведение с приятной атмосферой и очень вкусными ржаными гренками под разливное пиво. Отдельным украшением был колоритный хозяин. Эдуард Константинович Пиртенко. Да, он крут. Шестьдесят пять лет, седая щетина, фанат литературы прошлого века. Над барной стойкой у него висит фотография в обнимку с Шилом⁵. Худой морщинистый старик со скверным характером – все как надо. Фамилия дрянь, вот все и зовут его Эд. По образованию филолог, в свое время много покатался по стране, изучая языки малых народов. Ыннэн⁶. Подкопил денег, смог как-то обернуть капитал в перестройку (поговаривают, что учил английскому блатных корешей) и открыл бар «Дно». Долго над названием не думал

⁴ Педовка – человек, для которого погружение в субкультуру ограничивается «модными» шмотками и т. д.

⁵ Шило – вокалист группы «Кровосток».

⁶ Ыннэн (чук. яз.) – один.

и взял первое, что пришло ему в голову. Так и появилось «Дрейфующее наваждение олигофрена»... Просто не спрашивайте...

К созданию бара Эд подошел с трепетом и расстановкой. Получилось действительно клевое место. «Дно» собрало в своем небольшом подвале людей всех сортов и расцветок. Попадались и фанаты почеркать в «Ворде» разной степени паршивости. Ну, вроде меня. Одной общей тусовки здесь не было, но идея витала в воздухе.

– Так, ушли от дела. Что за башня-то в рассказе? – встрял в мое повествование Даня.

– Шуховская.

– Симпотная штука. А что твои герои на башне забыли?

– Композиция такая. Есть парень, и есть девушка. Они не очень друг друга любят, но вместе...

– Прямо как я со своей, – перебил Даня и засмеялся. Посмотрев на мою перекошенную физиономию, он осекся: – Извини, что перебил, продолжай.

– Так вот, в начале рассказа они приходят к башне. Кружком пусто, тихо. Немного стоят, мнутя, размышляют, а потом лезут наверх. Читатель сначала не въезжает, в чем дело, и думает, что это просто по фану. И вот, пока они лезут, я вращаю сюжет, что одиноко им, все такое, что при других обстоятельствах они бы никогда не были вместе, и прочее, и прочее... Короче, всякую высокодуховную интимную лабуду про чувства шпарю.

– Допустим.

– Вот. Клеил рассказ частями: лезут-лезут, – говоря это, я активно жестикулировал, я вообще люблю жестикулировать, – уход в оффтоп, снова лезут, и далее по кругу. Потом призадумался и решил побольше об этой башне узнать. Почитал инфу и приуныл. Сто пятьдесят метров. ВВЕРХ... капец. Парень, может, и ладно, а вот телка туда точно не залезет, особенно осенью.

– Да и я бы не залез. Пойдемте внутрь, а то холодно. Ветер, – Фил докурил первый, и теперь все ждали меня.

Затушив бычки в пепельнице, мы вернулись в бар. Внутри царствовал беспорядок. На темных деревянных стенах красовались предметы, имеющие ценность для Эда. Плакат с фестиваля Woodstock девяностых годов висел рядом с помятым мотоциклетным шлемом и книгой «Властелин колец», прибитой гвоздем прямо к стене. О Толкине тут было еще несколько напоминаний. Хоть никакой «андерграундности» в нем нет, но Эд уважал профессора и его творчество. На дальней стене, единственной, оставшейся просто куском бетона, красовался большой графический дракон, нарисованный черной краской. Удивительно, как фанаты фэнтези еще не нашли этого места. Здесь был всего один зал, туалет и кухня. А больше и не надо.

На широком дубовом столе у полуподвального окна нас

терпеливо ждали три бокала темного пива.

– За друзей и за продолжение истории! – стукнули, выпили. Табак пахнет сливой, пиво – темным хлебом. Рядом припарковались горячие гренки из бородинского хлеба с чесноком. Снаружи твердые, внутри мягкие. Вот он, мой двадцать первый век, во всей красе.

– А я думаю новый кусок на стене вбомбить, сейчас места примеряю, – попытался встрять Фил, но...

– Эй, я еще не закончил!

– А, ну да. Надо же изобразить, что мне интересно, – Фил показушно закатил глаза и выдохнул. – Так что придумал с высотой башни?

– Обыграл. На середине пути девка ноет, что нафиг надо, дальше не полезу, мне и так норм. Тут рассказ аккуратно сводится к тому, что все это восхождение – аллюзия на наше бытие и на встречающиеся трудности. Типа жизненный путь. И вообще оказывается, что все кругом умерли и эти двое – последние люди на планете. А до этого я все время тему смерти стороной обхожу, никак не упоминаю.

– А из-за чего умерли?

– Хрен его знает. Вирус какой-то, только без лаговых зомби.

– Мне кажется, что это слишком значимое событие, чтобы пускать его на самотек, – начал свою нудную дудку Даня. – Представь, что в «Титанике» корабль просто так тонет. Какие причины?

– Нет, в контексте моего рассказа причины смерти остальных людей не играют никакой роли. Важен сам факт. Почему Клинт Иствуд такой в «долларовой трилогии»? Глубоко плевать. Важны его действия в рамках картины. Так и у меня. Нет остальных. Чисто подошли, и все. Неделя депрессивных комиксов на Цианиде. Ну и вот, дело осенью, скоро зима. Эти двое понимают, что в холод без еды сдохнут в одиночестве. Поэтому весь рассказ ребята лезут за смертью. Ну и на середине осознают, что их жизненный путь лишен смысла – чтобы умереть необязательно забираться на самую вершину. Поэтому они встают на перила, берутся за руки (вообще, оба не любят друг друга, но умирать в одиночку человеку страшно). После делают шаг. И все. Заканчивается рассказ фразой «была осенняя пора... холодало», – небольшая пауза, жду реакцию. – Круто?

– Ну да, есть такое.

– Вообще, я сначала фразу придумал, а потом остальное. И меня она так дико проперла, что я не смог устоять. Несколько недель не знал, как зайти, а потом все-таки сел и написал за вечер. Муки творчества, как есть.

– **А – автор**, – задумчиво сказал Даня.

– Кек. Эту идею можно развить до целого творческого алфавита, – добавил Фил.

– А если так: «Азбука жизни писаки, размышляющего о творчестве и внутренних несостыковках общества». «АЖ ПРОТИВНО» – о, какая аббревиатура получается. Как вам?

– Не, убого. Лучше просто «Азбука творчества».

– Еще хуже.

– Ладно, пофиг. Так как вам рассказ?

– Звучит неплохо, хоть и для девочек, но я бы прочел.

– Могу скинуть.

– А публиковать будешь?

Мне моментально поплохело. Да так, что даже улыбка пропала с лица:

– Да черт его знает. Может, залью в Сеть, может, нет. Я писал с расчетом, что эта штука окажется в ящике. Пусть лежит, еды не просит. А там проскочит где-то новость о каком-нибудь конкурсе прозы, я ее и отправлю.

– Похоже на план, – согласился Фил.

– Вот и я о том же.

– По-твоему, достаточно просто отправить рассказ на конкурс и победа в кармане? – Даня такой Даня.

– А я где-то сказал о победе?

– Смысл отправлять рассказ, который не побеждает?

– Для того, чтобы тебе тыкнули на ошибки, может быть? – Фил всегда лучше понимал ход моих мыслей. Каждый из нас троих был на своей волне, но наши волны находились ближе.

– Я считаю, что лучше пилить материал до той поры, пока он не будет достойным победы, а не сливать его на оценку критиков без личных успехов.

– Может, мне тогда проще помереть? У каждого свой стайл, кому-то не хочется ждть вечность.

Повисло молчание, которое всегда приходит после большой темы и жирной точки за ней. Мы не спешили, с нами было пиво. Следующие несколько минут на столе танцевала тишина, а потом ее прогнал Даня.

– А у меня сейчас работа над новым сценарием.

Среди моих знакомых: дантисты, учителя, психологи, следователи, грузчики, продавцы-консультанты, полицейские, операционисты, яппи, рядовые менеджеры, бухгалтеры и тонна других людей. Но больше всего мне нравился персональный «кружок творчества». Даня, хоть и технарь по образованию, мечтал когда-нибудь стать серьезным режиссером. Он из полной и обеспеченной семьи, поэтому мечта появилась в тандеме с покупкой 5D Mark III. За непродолжительное время своей карьеры он успел снять короткометражку о судьбе парня, приехавшего в большой город (неплохая вещь, стоит заметить), и несколько роликов для друзей. На этом, пока что, его творческий потенциал иссяк. Фил же привык видеть картину в статике, ведь он художник. В теме был давно, правда, профильным образованием также не обладал. «Творческие вузы выпускают шаблонных гуманоидов», – его неизменное кредо. В мире картин Филипп особой славы не обрел. Он объяснял это тем, что «шаблонные гуманоиды» заняли все свободное место. Однако это его сильно и не обламывало: Филипп жил разрисовкой помещений под заказ, аэрографией. А в минуты творческих порывов он

рисовал для себя. Иногда даже аэрозольной краской, иногда даже на стене, иногда даже не очень законно. Обычно на таких вылазках его сопровождал кто-то из его корешей или я с Даней. Надо же кому-то таскать краску и стоять на шухере.

– Помощь со сценарием нужна? – спросил я у Дани.

– Нет, спасибо, – он махнул рукой, – сам справлюсь. С тобой как-нибудь потом совместное что-нибудь замутим.

– Если я не сопьюсь к этому времени.

– Не переживай, – Даня погладил бороду, – спиваются только хорошие писатели.

– Это раньше так было. Ты плохо знаешь современную моду. Нынче задача гуманитария от искусства – просто снариться или спиться до тридцати. А «творить» – это уже дело наживное. Таких «творцов» в Питере как ванилек⁷ в кафешках.

– Или как ванилек в Питере.

– Ванилек в кафешках в Питере.

– Не, мимо. Они там ошиваются в каком-нибудь зассанном дворе-колодце, проникаясь «культурой». Или шарахаются по крышам с тем же посылом.

– Согласен.

– Ну, это еще не самая плохая мода. Вспомните эмо⁸. Вот уж лютая хрень была.

⁷ Ванильки – субкультура романтических девочек.

⁸ Эмо – субкультура чувственных (читай – сопливых и депрессивных) ребят.

– О да. Но! С эмо было проще. Поноют, вены вскроют, и окей. Никаких проблем. Они хотя бы понимали, что никчемны. А эти-то нет. Все такие духовные, что аж долбануться можно. Глупые только, как курицы, но кому какое дело? Вот объясните мне, – Филипп пододвинулся поближе к столу, – никак въехать не могу, о каком богатстве внутреннего мира может идти речь, если весь багаж мыслей состоит из чужих цитаток и спама? Это равносильно тому, что ты отсканишь все картины из Лувра, повесишь их у себя дома и будешь мнить себя именитым коллекционером.

– Сам придумал или скопипастил?

– Да пошел ты! – Филипп засмеялся.

– Слушай, а с чего ты решил, что лучше этих ванилек? Ты такой же напыщенный петух с «богатым внутренним миром».

– Ну спасибо, – он изобразил грусть на своем лице. – Разница между мной и ими в том, что я просто существую и не строю из себя никого. И я понимаю, что мои мысли и действия могут быть ошибочными и неправильными.

– Они явно неправильные.

Ситуация немного нагрелась и стала не такой прикольной, какой была пару минут назад. Поэтому я вновь вернулся к разговору о себе и литературе. Эгоцентризм или лоббирование своих интересов – называйте как хотите.

– Сделаю вид, что ваш треп мне неинтересен, и продолжу

про себя. Столкнулся с большой проблемой.

– Прямо большой?

– Прямо здоровенной.

– Слушаем.

– Очень хочу написать книгу, но не представляю, как это сделать. Вроде и в голове какие-то идеи есть, вроде даже и желание где-то витает, но не идет. Случается, решаюсь, сажусь и... и все. Ну три тысячи знаков напишу максимум, а потом сдуваюсь. Фигня какая-то, одним словом.

– Три тысячи? Это сколько?

– Лист А4. Полтора. От кегля зависит и форматирования.

По выражению лица Фила я понял, что он не въехал.

Не суть.

– А книга, хоть какая-нибудь, – это уже около четырехсот тысяч или типа того. Ну хотя бы триста!

– Шутка про тракториста, – сказал Фил и тыкнул в меня пальцем.

Я посмотрел на него, а потом на Даню:

– Ты прав. Он не лучше ванилек. Так вот, меньше трехсот тонн знаков ни одно издательство в работу не возьмет. А как мне эти три сотни осилить, если я так быстро сдуваюсь?

– Пиши короткими рассказами и не нарывайся на крупную прозу. Это проще. По короткометражкам могу судить.

– Так и делаю, но хочу большое произведение. И уже давно. Да даже вот в старших классах еще помню, начал писать рассказ. Большой... должен был бы быть, если бы я бы

не бросил бы его на седьмой главе. Бы. Спустя пару лет один товарищ надоумил меня его переработать и реинкарнировать. Ну, типа поумнел и все дела, сейчас хорошо пойдет. Ремейк на то, чего не было. Начал. Угадаете? Бросил на том же самом месте! Ну как это называется?! Что за чушь? У нас один преподаватель как-то сказал: «Несложно написать книгу, сложно написать вторую». А у меня даже с первой проблемы.

– Сделай как у Вуди Аллена. Пусть вся книга будет одной большой затяжной болтовней с плавным переходом по темам. Вот как сейчас.

– И о чем мне говорить всю книгу?

– Ну, в этом поиске и заключается творчество. Тебе нужно найти вдохновение. Не ром и вискарь, а какое-то реальное вдохновение. Что-то, что поможет собрать мысли в кучу, найти свою тему и шибануть крутое произведение.

– Вот и вопрос, где его взять.

– Могу с тобой заключить пари, – предложил мне Фил и широко улыбнулся.

– Ну уж нет, воздержусь.

– Тогда спроси у старины Эда. Он же шарит по литературе. Может, что и назовет.

– А это мысль, вот прям сейчас допью пиво и пойду спрошу.

– Ты серьезно? Вообще, я предложил это на рандом. Только потому, что поддатый.

– А я вот теперь воплощу идею, и тебе будет стыдно.

Добив большим глотком остатки стаута в бокале, я встал из-за стола и направился к барной стойке, протискиваясь меж широких дубовых столов. Когда я подошел, Эд неспешно протирал граненые стаканы белым полотенцем с голубыми цветочками.

– Привет, Эд. Слушай, я к тебе по делу, – приятность «своих» баров всегда зависит от владельца или бармена, с которыми можно поговорить.

– Здорово. Выкладывай, внимательно слушаю.

– Как написать книгу?

– Спросил у меня выпускник литературного вуза. Зуб вырвать за такую лажу? Уйди прочь, мне стыдно с тобой рядом стоять! – это была его обычная манера общения.

– Я серьезно. Мыслей много, но это какие-то мюсли в башке, а не годный стафф. Я понимаю, что надо расписаться, как-то сделать одно, а дальше уже может пойти лучше, но как написать это одно? Я не знаю.

– Не можешь разжиться первой книгой?

– Именно так.

– Ну-у-у-у... Вообще, это достаточно просто. Что делали битники?

Я сморщил брови.

– Снариться предлагаешь?

– Нет. По жизни что они делали, умник?

– Тратили свою жизнь на всякую чушь?

Эд отложил бокал и провел кулаком с полотенцем рядом с моим носом. Мокрая тряпка пахла ужасно. Напоминала школьные доски. Я-то еще мелки застал... Ненавижу школьные доски.

– Они писали о самом простом, о чем можно написать.

Но делали это мощно.

– Слушаю внимательно.

– О себе.

– О себе?

– Да, блять, о себе. Уж на одну поганую книжонку своих жизненных наблюдений у поца твоих лет должно хватить сил. Если только ты всю жизнь не профапал на мамины фотки.

– Твоей мамы?

– Шутник большой? Принести ее фотки? Старушке за восемьдесят.

– Спасибо, воздержусь.

– Ага. Пуританин херов. Короче, суть уловил? – его морщинистая физиономия назидательно уставилась на меня.

– Написать книгу о себе?

– Почти. Твоя автобиография никому не вперлась – ни сожрешь, ни чпокнешь. Ты придумай какого-нибудь типа, и пусть он будет из той же тусовки. То есть не где-то в средневековье или футуризме, а вот здесь. Тебе не придется анализировать и продумывать все с нуля, а достаточно будет про-

сто бомбить своими эмоциями и мыслями по всем листам. Пусть он влюбится в телку, а потом вставит ее брату.

– Я консервативен.

– Начхать. Суть, главное, поймай. Пиши о том, о чем знаешь. И про бабу не забудь. Истории с бабами всегда хорошо идут. Если мужики не оценят, то цыпы прочтут.

– Своя правда в этом есть. Спасибо.

– Эдуард Константинович Пиртенко фигни не советует. Не из того теста. Кстати, о тесте, – он посмотрел по сторонам, подо двинулся ко мне и, переходя на шепот, спросил: – Данила же здесь будет свой день рождения отмечать?

– Вроде как да.

– Я думаю, коль уж вы тут давно ошиваетесь, может, какой подарок ему за счет заведения сделать? Я думаю торт какой-нибудь стильный ебнуть, что скажешь?

– Сделай торт, связанный с кино. Он же угорает по этой теме.

– Мысля, спасибо. Вообще, знаешь, если твоего диндона когда-нибудь хватит на целую книжку, то приноси почитать.

– Добро, если не помрешь раньше этого, старик, – я хлопал его по плечу.

– Счет оплатить не забудь! – Эд усмехнулся и продолжил намыывать бокалы.

По пути обратно я заглянул в туалет с общей раковиной и тремя отдельными кабинками. Вроде все как и вез-

де за исключением одного – возле умывальника жило еще одно упоминание о Толкине: большой аквариум, в котором Эд выставлял фигурки персонажей Средиземья в момент какой-нибудь знаменитой сцены. Для этого у него были декоративные горы, леса, замки и даже каналы для рек. В этот раз хоббиты прятались от Назгулов в корнях деревьев.

Хоть у раковины и висела сушка для рук, но я все равно вытер их об рубашку. Привычка юности.

Друзья о чем-то беседовали, однако, как только я пришел, сразу вернулись к нашей теме.

– Ну и что сказал Эд?

– Что ты вахлак, наяривающий на его мамашу, – я сказал это быстро, довольно. Жаль, что это казалось смешным ровно две секунды.

– Ха-ха-ха, – Фил произнес это протяжно и артистично. – На дворе давно не две тысячи десятый, а ты все шутишь про мамок. Либо консерватор, либо идиот. Монокль есть?

– Нет.

– Пидора ответ!

– Подловил, хвалю. Мой маленький старообрядец. Короче, если по сути, то надо писать о персонаже, похожем на меня. Типа так проще всего. Берешь все, что тебя окружает, и засовываешь в книжку.

– Правильно. Хороший совет. Только разве у тебя интересная жизнь?

– Да поинтересней твоей!

Фил показал пальцем слезку на своей щеке. Да, вот такие мы шуты и паяцы.

– Необязательно же писать точно про себя. Надо выдумывать и сочинять. Просто основа всего этого и вообще картина вымышленного мира может базироваться на моей реальности, на моих переживаниях и моих ощущениях в это время, в эту эпоху, в этом месте.

– Звучит круто. И слишком перегружено пафосом, – вечно Даня портит кайф.

– Дай мне хоть пять минут почувствовать себя не полным ничтожеством.

– Ну если только пять минут.

– Мы сегодня хоть что-то делаем, кроме вечных попыток плохо шутить?

– Да, еще мы пытаемся умно говорить о глупых вещах. А вернее, глупо говорить об умных вещах. Так, когда ты книгой-то займешься?

– Когда соберу полностью весь творческий алфавит! Вот так-то! Первая буква есть, **А**. Вот доберусь до **Я** и приступлю к книге.

– Звучит тупо.

Я покачал головой.

– Зато хоть какой-то ориентир будет.

– А когда это все произойдет?

– Не знаю. Дело непростое.

– Когда-то придется начать.

– Да уж, придется...

Глава 2

Как бы удивительно это ни прозвучало, но спустя несколько дней я все же смог откопать в себе зачатки таланта и сесть за работу над книгой. Получалось неплохо, ну на мой скромный взгляд. Ритмично, ярко. А какие диалоги! Эх. Да... Так вот! Я хотел показать вам, что написал в тот день, но... Короче, я потерял этот текст. :(

Да, да. Знаю. Что поделаться?! Вот такая вот мы никудышная молодежь – теряем даже самое важное. Я бы попросил вас помочь с поисками, но это может занять неприлично много времени. Так что предлагаю забить вообще на то, существует этот текст или нет, и просто двигаться дальше. Ну, оставим под него букву на тот случай, если найдется. Но это максимум.

Глава 3

В маленькой аудитории, похожей на школьный класс, стояла тишина. Столы и стулья выстроились непривычно ровно и одиноко, а единственными живыми существами в кабинете были я и Лука Сергеевич Смольный. Я мерно покачивался на стуле и смотрел в окно, а он четырьмя глазами вглядывался в текст. Лука – мужчина среднего возраста, живший вместе с женой, дочерью, старой тещей и собакой... тоже сукой. Это обстоятельство он часто преподносил в виде различных шуток. Например, «как приятно вести лекции в этом вузе – здесь все меня слушают. Вот я домой приду, и все, до завтра буду молчать...». Лука Сергеевич был требовательный, но хороший преподаватель. Вел пары по литературе и смежным дисциплинам. В мои студенческие времена, происходившие год назад, я напросился писать у него диплом. С тех пор Смоль (а именно так все его называют) стал для меня кем-то наподобие ментора. Я иногда заглядывал к нему на лекции, чтобы послушать, побеседовать, спросить совета. В этот раз я принес ему начало своей книги.

Лука Сергеевич изучал мою работу уже добрую четверть часа. Этого времени мне хватило, чтобы дважды зайти в соцсети и полайкать фотографии с вечеринок друзей. Был бы телкой, сделал бы селфи с хэштегом #волняшки. Мы сидели практически бесшумно, наше присутствие выдавалось толь-

ко шелестом бумаги да звуком качающегося стула. Меж тем за окном начиналась замечательная пора приближающейся жары с легким ветерком и ясным небом. Красотища-то какая! Я не был из тех, кому больше нравится дождь и слякоть. К черту эту хрень. Вот солнце и сухой асфальт – это лайк.

Из открытого окна я слышал бормотание студентов, куривших перед институтом. Редко их голоса заглушал шум проезжающих машин. Я уже дважды думал найти повод выйти покурить, но потом останавливался – все-таки это будет не очень прилично, вычитка текста-то нужна мне, а не моему преподавателю. Поэтому я сидел. Сидел, ждал и гадал. Увы, но по лицу Смоля я никак не мог понять его мнения. Он вчитывался в каждое слово, будто бы речь шла о расшифровке древних манускриптов. Глаза отражали напряженность плюс активную работу мозга. Когда последний листок лег на стол, он снял очки и откинулся на стуле, разминая руки.

– Ну как? – спросил я, ожидая приговора.

– Честно? Это, конечно, не самая худшая работа из мною прочитанных... но, (всегда пропускайте мимо ушей все, что сказано до союза «но») говоря образно и не слишком прямолинейно, читать такое лучше под журчание воды. Есть некоторые интересные моменты, детали, но целая картина пока получается плохо.

– Я надеялся, что не так ужасно.

– Все и не так ужасно! – воскликнул он. – Вы, в общем, писать умеете. Буквы превращаете в слова, слова – во фразы,

фразы – в предложения. Не чудовищные! Знаете, я за время работы со студентами ТАКОГО начитался, что мне теперь ничего не страшно. Ни один ужастик не пугает. Вот я недавно пересматривал «Психо», так что бы вы думали?! Легко! Я как представлю тот роман, который мне принесла одна студентка, так меня никакие маньяки не берут, – он серьезно посмотрел на мое веселое лицо. – Вы не смейтесь! Восемьсот страниц пугалок, детектива и любви в представлении двадцатилетней особы. Тут и поседеть можно. Я вот поседел. И до этого седой был, а сейчас еще больше. Видите, – он покрутил головой, чтобы я смог рассмотреть его седые волосы.

– Да уж, представляю.

– Так вот, можете собой гордиться, ваше произведение, точнее, тот кусок, который вы принесли мне на оценку, не такое пугающее. Однако пока и не такое веселое. Увы и ах. Скучно, – пожал он плечами. – Нет действия. Нет повода читать. Понимаете? Вот возьмем «Войну и мир» – гремучая смесь величия гения и частиц графомании, а сколько действия! Никакого простоя. Каждый персонаж проживает свой сюжет от начала и до конца. А какое описание! Вы же, надеюсь, читали «Войну и мир»?

– Было дело, – нет, я правда ее читал.

– Славно, а то современных студентов с литературным уклоном что-то клонит идея, что просмотр «Игры престолов» может заменить чтение длинных и скучных книжек, непонятно для кого написанных. Так вот, пока что в бою

со Львом Николаевичем вы нокаутированы в первом раунде. Длинная седая борода грозно повисла над вами, и где-то наверху слышен хриплый и противный смешок. А проиграли вы из-за того, что рассказ ваш до изнеможения скучен и пуст. День из жизни очень неинтересного молодого человека. Зачем это читать?

– Я и хотел показать историю обычного парня. Чтобы читатель понял, что его жизнь интересней, чем кажется. Столько увлекательного вокруг, только мы этого не видим.

Преподаватель придвинулся к столу, поставил на него локти, сложил вместе кисти рук и положил на них свой подбородок.

– Теперь я понял вашу мысль. Увы и ах, так литература не работает. Позвольте объяснить. Обычная история требует эмоций. Драма, комедия, трагедия и прочие общеизвестные мотивы. Истории необходимо нести свой заряд. Она может учить, давать ответы на какие-то вопросы, воодушевлять, веселить, противопоставлять и так далее и так далее. У вас же сейчас ничего этого нет. Ни комедии, ни драмы. Только одна трагедия, да и та заключенная в главном герое.

– Я не уверен, что точно вас понял.

Преподаватель снова поменял позу, скрестив руки у груди.

– Вашему герою восемнадцать лет, высшее образование проходит стороной, он курит, много ругается матом и большую часть дня стоит с криком «свободная касса». Тоже ра-

бота, не спорю, проблема в другом. Кто он? Куда он идет? Какие у него увлечения? Поэзия, фото, рыбалка, может, марки собирает?

– Никаких.

– Вот это и плохо. Никаких целей и стремлений. Никаких увлечений. Нет ничего, кроме мата, алкоголя и никотина – очень грустно. Люди такие, безусловно, есть. И их много. Но в роли литературного, подчеркиваю, литературного, персонажа это не выглядит современно. Вы что, хотите его еще и в подъезд с друзьями загнать? Модель олуха – главного героя подходит для комедий, скорее, визуального плана, нежели книжного. То есть для мультиков и ситкомов. Боюсь показаться невежей, но уже вроде бы есть мультфильм о глупом работнике фастфуда. Он желтый и квадратный. Вы хотите писать о нем?

У меня перед глазами появилось довольное лицо Губки Боба. Если я что-то и пытался создать, то точно не это. Отмахиваясь руками, я воскликнул:

– Нет! Нет! Ладно, понял. Закусочную закрываем. Что же делать?

– Вам понадобятся два инструмента. **В** и **Г**. **В** – вдохновение, а **Г** – город. Вы живете в одном из крупнейших мегаполисов планеты. Сюжеты обитают вокруг вас, достаточно просто руку протянуть.

– А что вы можете мне посоветовать из городских историй?

– Для начала поменяйте персонажа. Пусть он, допустим, будет современным молодым франтом. Девочки и мальчики любят франтов, вспомните Остапа Бендера.

– Я думал делать что-то не столь авантюрное, – в тот же момент я потерял равновесие и чуть было не упал со стула.

– И не нужны авантюры. Жизнь интересней, чем кажется. Вы сами мне об этом говорили. Вот и рассмотрите свою жизнь. Я очень сомневаюсь, что все свое время вы проводите у компьютера и никуда не вылезаете.

– Зря сомневаетесь, сейчас это модное развлечение.

– Даже в таком случае можно изобразить что-то интересное. Не выходи из комнаты, не совершай ошибку и т. д. Но все-таки я верю в насыщенную яркость вашей жизни. Ведь вы выпускник вуза, где учат литераторов и журналистов! Это уникальное место. Если совместить обе эти специальности, можно открыть массу невероятного. В вас есть талант, так пользуйтесь им.

После этих слов преподаватель о чем-то задумался, помолчал, а затем продолжил:

– А лучше передайте талант своему персонажу!

Я прищурился и стал похож на Ди Каприо из известного мема.

– О чем вы?

– Пусть ваш персонаж будет выпускником этого вуза. Пусть на его зоркости и творческом начале и будет выстроенная книга или что вы там писать собрались?

– То есть пусть персонаж будет мной? – я больше удивился тому, что Смоль говорил то же самое, что и Эд, чем тому, что он говорил.

– Вашим альтер эго. Идея не новая, даже весьма забитая, но хорошо работает и сегодня. О себе вам легче написать, чем о ком-либо другом.

– Забавно, но вы не первый человек, который мне это говорит. Почти слово в слово.

– Значит, так и нужно делать. Не находите?

– Ну а как же всякие эксперименты, перевоплощения, разное творчество?

– Творчество никто и не отменял. Без него художественное произведение никак не получится, хоть стой, хоть падай, – Лука Сергеевич вновь пожал плечами. – Другое дело эксперименты. С ними лучше повременить – мало опыта. Тут эксперимент, там эксперимент. Везде попробовал, нигде не получилось, все забросил. Молодые любят не доделывать до конца, сам так поступал. Лучше уж сперва просто и основательно сесть и написать что-нибудь обычное, но законченное. Важно именно закончить начатое. Сделать какую-то основу. Даже если получится не так хорошо, как хотелось. Даже если будет банально. Идея без реализации ничто. Вот когда будет первое оконченное произведение, когда вы пройдете все этапы его создания, тогда уже можно приступать к каким-то экспериментам в новых работах. Люди помнят хорошие произведения, а плохие никому не интересны. Поэтому

не бойтесь ошибаться. Сделаете плохо – никто и не заметит. Сделаете хорошо – добро пожаловать.

– Вы правы, я сдаюсь.

Лука Сергеевич наигранно изобразил победу, вскинув руки вверх.

– На этой льстивой ноте будем заканчивать. Я с большим удовольствием пообщался бы с вами еще, но у меня сейчас начнется лекция. Конечно, стоящие за дверью студенты дневного отделения будут безумно рады, если я ее отменю, но моя совесть мне этого никак не простит. А это ужасно. У меня и так дома четыре женщины, а если к ним добавится еще и совесть, то я просто с ума сойду, – Лука Сергеевич добро улыбнулся.

– Тогда спешу уважить вашу совесть и не смею больше вас задерживать. Я пойду, – на этих словах я встал со стула и начал собирать вещи.

– Вы, кстати, не хотите ли послушать лекцию? Замечательная история про Крылова, мухлевавшего в картах и убегающего от всей России.

– Спасибо, я это уже слышал. И за советы тоже спасибо.

– Рад был помочь молодому таланту. Ни в коем случае не останавливайтесь. Обдумайте заново идею и продолжайте. Главное – работайте, работайте и еще раз работайте. Литература не любит лентяев. И еще, через парочку недель у нас будет открытая лекция известного литератора Виктора Тимуровича Зевса. Настоятельно рекомендую, вам может

помочь.

Мы пожали друг другу руки, и я пошел к выходу. Преподаватель окликнул меня в дверях:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.